

Русский литературный язык и русские диалекты

Изучение истории русского литературного языка связано с определенной традицией в освещении ключевых вопросов. После известной работы А. С. Будиловича (Будилович 1892) в центре внимания историков литературного языка были такие вопросы, как соотношение литературного языка с другими идиомами или стратами — диалектами, просторечием, народно-поэтическим койне и т. д., влияние церковнославянского языка, однородность или разнородность диалектной базы, легшей в основу литературного языка, непрерывность или прерывность развития литературного языка и др. При этом следует отметить, что степень научной проработанности каждого из этих вопросов в теории истории русского литературного языка разная. Обратимся к одному из них, как будто бы наиболее изученному вопросу соотношения русского литературного языка с его диалектной основой.

Как известно, современные славянские литературные языки различаются между собой прежде всего с точки зрения их близости к диалектной базе: на одном полюсе находятся языки, имеющие прочную и непосредственную связь с четко очерченной диалектной базой (классическим примером такого языка может служить сербскохорватский, диалектной основой которого является восточногерцеговинский диалект штокавского диалектного массива), а на другом полюсе — языки, диалектная база которых размыта, например польский, где с трудом обнаруживается диалектная основа как для современного языка, так и для предшествующих периодов его развития (в польской лингвистике, в частности, до сих пор идет спор о том, какой диалект польского языка — великопольский или малопольский — лег в основание польского литературного языка). Восточнославянские языки на шкале этих различий занимают срединное положение, причем картина здесь неоднородная: если украинский и белорусский языки имеют довольно прочную и тесную связь с диалектной базой, то в русском литературном языке эта связь менее тесная, причем, как показали

исследования последних лет, здесь речь может идти не столько о локальном (московском) говоре, сколько о московском городском койне, составившем базу русского литературного языка.

Отсутствие тесной связи с диалектной основой, по мнению ряда ученых (Н. С. Трубецкой, Н. И. Толстой), во многом объясняется существованием давней (непрерывной) литературно-языковой церковнославянской традиции, тогда как разрыв с традицией (или ее отсутствие) обуславливает прочную связь с диалектной базой (Толстой 1988, 25). Возможно, именно этим обстоятельством и объяснялось отсутствие у исследователей интереса к поискам диалектной основы русского литературного языка и концентрация внимания в основном на вопросе соотношения русской народной и церковнославянской стихий в становлении литературного языка.

Между тем, еще В. В. Виноградов в статье «Изучение образования и развития древнерусского языка» указывал на то, что лексические различия между древнерусскими диалектами практически не выявлены, поскольку «в исследованиях по истории русского литературного языка очень мало работ, которые затрагивали бы и разъясняли проблему взаимодействия словаря литературного языка как Киевской, так и Московской Руси со словарями других областных древнерусских культурных центров, а также с народно-диалектной лексикой, свойственной разновидностям обиходно-разговорной и письменно-деловой речи разных мест. Больше того: ни проблема диалектных различий в литературном языке Киевской Руси, ни роль киевского литературно-языкового наследства, ни соотношение северновеликорусской и южновеликорусской стихий в составе лексики государственно-деловой и разговорной речи допетровской Руси полностью не раскрыты, основы литературного слога не очерчены» (Виноградов 1978, 119).

Продолжая эту тему в статье «О связях истории русского литературного языка с исторической диалектологией», В. В. Виноградов замечает: «Особенно мало сделано у нас в области изучения лексических взаимодействий русского литературного языка и народных говоров. Понятно, что и пути, и способы, и интенсивность этих взаимодействий различны в разные периоды истории русского литературного языка. Вопрос о проникновении областных, местных слов и выражений в структуру литературного языка на разных стадиях его развития, о литературных, стилистических функциях и их семантической эволюции,

вопрос о тех словарных вкладах, которые сделаны в сокровищницу общерусского национального языка отдельными областями России, у нас почти не затронут. Особенного внимания заслуживает процесс формирования московского государственного языка XVI—XVII вв., в состав которого более широкой и мощной стихией вошла устно-разговорная, народная речь, чем традиция древнего славяно-книжного языка. Интересны и наблюдения над поглощением отдельных местных слов — южных и северных — московизмами, т. е. будущими общерусизмами, и над принципами и мотивами московской канонизации разнообразной областной лексики, за которой таким образом признавалось право на включение в общенациональную словарную сокровищницу. Ведь даже исторически менявшиеся взаимоотношения русского литературного языка с северными и южными великорусскими народными говорами еще не раскрыты во всей их широте и социальном многообразии» (Виноградов 1978, 210–211).

Несмотря на то, что эти слова были написаны много лет тому назад, следует признать, что они не утратили своей актуальности и в настоящее время. Поскольку и сегодня при описании истории русского литературного языка, и в частности при рассмотрении вопроса о его взаимоотношении с северно- и южнорусскими говорами, в центре внимания оказываются прежде всего данные фонетики и морфологии (особенности севернорусского консонантизма и южнорусского вокализма, склонения отдельных форм местоимений или оформления личных окончаний глаголов и др.). Сведения же по лексике носят эпизодический характер, поскольку лексика в этом аспекте, действительно, практически не исследовалась.

Такое положение дел в изучении истории русского литературного языка во многом объясняется, как представляется, развитием русской диалектологии, которая пока, к сожалению, не располагает полным реестром лексических диалектизм или работой обобщающего характера о лексической противопоставленности русских говоров. Это связано, по-видимому, с тем, что в диалектологии долгое время существовало скептическое отношение (идущее еще со времен младограмматиков) к фактам лексики и словообразования как к фактам, которые в силу своей мозаичности и повышенной языковой проницаемости не позволяют провести ареальную классификацию того или иного диалектного континуума, поэтому лексические диалек-

тизмы (судьбы которых часто оказывались индивидуальными) традиционно считались некоррелятивными, аморфными, не позволяющими четко обозначить границы диалектных различий. В связи с этим в центре внимания диалектологов были главным образом фонетические и морфологические различия. Думается, что именно этим обстоятельством объясняется тот факт, что «исследование разных народно-областных потоков в истории литературного словаря находится еще в зачаточном состоянии... Пути и сроки проникновения разных народно-лексических струй в литературную речь не обозначены» (Виноградов 1978, 214).

Следует, однако, признать, что этому в немалой степени способствовали и объективные причины, а именно: сложность и необъятность самого предмета исследования, трудности сбора и систематизации лексического материала, отсутствие достаточно репрезентативных для многих территорий диалектных словарей или вообще их отсутствие (в частности для Ростово-Суздальской земли), сам характер этих словарей, являющихся в большинстве своем дифференциальными и т. д., а главное — негативное отношение к диалектам. Оно было в значительной степени связано с существовавшей многие годы теорией об отмирании диалектов в условиях бесклассового общества. Теория эта своим существованием во многом обязана языковой политике нашего государства, основные направления которой сформировались еще в 20-е годы. В основе этой политики лежал тезис об отмирании элементов «старого качества» (носителем которых было отсталое крестьянство, которое в силу своей «мелкобуржуазной сущности» тормозило движение общества вперед) и развитии элементов «нового качества». Позднее этот тезис получил теоретическое обоснование в известной сталинской статье «Марксизм и вопросы языкознания», где заявлялось, что диалекты, представляющие собой ответвления от общенародного национального языка, «лишенные какой-либо языковой самостоятельности, обречены на прозябание». Эпоха строительства социализма породила своеобразный социальный заказ, связанный с дискредитацией старых народных традиций, народной культуры и, соответственно, диалектов. «Заинтересован ли пролетариат в сохранении крестьянского разноязычия? — спрашивали авторы „Очерков по языку“ А. М. Иванов и Л. П. Якубинский и отвечали: — Нет. Он заинтересован в его ликвидации. То обстоятельство, что русский национальный

язык до сих пор не стал еще достоянием всего крестьянства, является одним из препятствий на пути социалистического строительства» (Иванов, Якубинский 1932, 142). Интерес к изучению народного языка расценивался как реакционный, «тянувший язык к отсталым формам быта, к отсталой идеологии эксплуатируемых и невежественных масс» (Предисловие к Толковому словарю Даля. М., 1935. Т. 1. С. 14), поскольку, согласно официальной точке зрения, «язык колхозника очищается от накипи веков, тормозящей его дальнейшее развитие, приобщение к пролетарской культуре, — писал Ф. П. Филин в своем „Исследовании о лексике русских говоров“. — Исчезает специфически „крестьянское“, „мужицкий дух“, который так приятно щекотал обоняние различного рода пейзалистам... И на этом участке отходит в прошлое „идиотизм деревенской жизни“... Как территориальные, так и социальные диалекты в нашей великой социалистической стране за последние годы находятся в стадии ясно выраженного отмирания» (Филин 1936, 179, 185, 205)*. Естественно поэтому, что основные стратегические направления таких исследований сводились к доказательству «исчезновения резких особенностей территориальных говоров и быстрого приближения крестьянских говоров к современному литературному языку» (Каринский 1936, 95–96). Такой подход к изучению диалектов сохранился и тридцать лет спустя, вследствие чего создавалось впечатление, что «исчезновение диалектов — уже совершившийся факт» (История русской диалектологии. М., 1961. С. 81). Эта официально санкционированная точка зрения на положение русских диалектов отрицательно сказалась на их изучении, поскольку на первый план выдвигалась задача изучения речи «передового» слоя крестьянства, что, естественно, искажало картину соотношения литературного языка и диалектов.

Начавшееся в 70-х годах широкомасштабное лексикографическое и картографическое изучение диалектов показало ошибочность этих утверждений, так как обнаружило огромные пласты прекрасно сохранившейся диалектной лексики. Самым убедительным доказательством явилась публикация сначала словаря, а затем и лексического атласа говоров Подмосковья, т. е. тех говоров, которые, находясь в непосредственной близости к крупнейшему административному и культурному цент-

* Подробнее об этом см. Касаткин 1993, 82–90.

ру, способствующему утрате или нивелировке диалектизмов, должны были бы давным-давно исчезнуть, однако они сохранили диалектизмы в великом множестве, демонстрируя жизненную силу, богатство и образность народного языка (ср., например, такие диалектизмы, как *пунька* 'постройка для хранения мякины' (ю.-зап.), *творило* 'подъемная дверь в погреб' (юг), *голбец* 'деревянная пристройка к печи в виде лежанки' (сев.), *рогач* 'ухват' (ю.-вост.), *наливка* 'половник' (зап.), *ставка* 'подставка для лучины' (сев.-вост.), *полденка* 'ведро, в которое доят корову' (сев.-зап.), *снаряда* 'одежда' (вост.) и др.).

Однако отрицательным моментом во многих исследованиях был дифференциальный подход к лексикографическому освоению диалектной лексики, поскольку априори принималась презумпция повсеместного распространения литературной лексики. Это отсутствие в большинстве диалектных словарей литературной лексики не позволяло выявить ареалы литературных слов и тем самым определить направление диалектных потоков в истории литературного словаря.

Между тем, публикация первого лексико-словообразовательного тома Общеславянского лингвистического атласа, а также выход в свет пяти томов «Лексического атласа белорусских народных говоров» показали, что «презумпция распространения литературной лексики оказывается справедливой далеко не для всех слов литературного языка, достаточно широкий круг слов литературного языка оказывается связанным с определенными диалектными ареалами» (Толстая 1995, 263). Это положение прекрасно иллюстрируют карты «Лексического атласа белорусских народных говоров», на которых нередко отчетливо обнаруживаются две крайних ситуации, а именно: «полное отсутствие или спорадичность литературного слова на диалектной карте и повсеместное, практически не ограниченное распространение слова, при котором другие диалектные лексемы оказываются лишь вкраплениями» (Толстая 1995, 264). Что касается русских говоров, то лингвистическая география пока не располагает лексическим атласом такого масштаба, однако работа над ним уже началась и системный подход, положенный в его основу, предполагающий «равное внимание к любому члену диалектного различия, независимо от того, представляет ли он собственно диалектную лексическую единицу или же слово, входящее одновременно в состав литературного языка и общерусского просторечия» (Попов 1993, 329), даст возможность в будущем не

только определить границы бытования литературных слов, но и начать изучение исторически менявшихся взаимоотношений русского литературного языка с северно- и южнорусскими говорами и тем самым более глубоко проработать вопрос о диалектной основе русского литературного языка.

На современном этапе чрезвычайно ценным источником изучения ситуации в русских говорах является Общеславянский лингвистический атлас (ОЛА), предоставляющий уникальную возможность рассмотреть их в общеславянском контексте. Ценность этого источника определяется еще и тем, что Вопросник его был ориентирован прежде всего на общеславянский корнеслов, что может свидетельствовать о древности выявленных схождения. Ареальный анализ материала первого лексико-словообразовательного тома ОЛА «Животный мир» показал, что слова, вошедшие в русский литературный язык, также не имеют повсеместного распространения, хотя лексика, представленная в этом томе, относится к древнейшему праславянскому фонду. Так, в частности, уже на первых картах тома, посвященных названиям медведя и медведицы, видно, что в южнорусских говорах имеют широкое распространение лексемы *věd-ъ-med-ъ*, *věd-ъ-med-ic-a* (к. № 5, 6), появившиеся здесь, по-видимому, в результате контактов с украинскими диалектами. Влиянием украинских диалектов объясняется и широкое распространение в южнорусских говорах лексемы *čьrn-o-goz-ъ* в значении 'аист' (к. № 29). Ареальные ограничения имеет и лексема *kгѣтъ*, поскольку в южнорусских говорах имеются такие эксклюзивные названия крота, как *slěp-ъc-ъ* и *slěp-ux-ъ* (к. № 12). К таким же эксклюзивным образованиям относится название **ящерицы** *vert-en-ic-a*, *vert-ъn-ъk-a* (к. № 30). Все эти лексемы в севернорусских говорах имеют литературные соответствия.

Нельзя, однако, не отметить, что на картах атласа нередко прослеживается и обратная ситуация, когда ареальные ограничения в распространении лексем, вошедших в словарный состав литературного языка, прослеживаются в севернорусских говорах. К таким лексемам относится название **муравья**, которому в севернорусских говорах соответствует диалектизм *mur-aš-ъ* (к. № 41) и соответственно **муравейника** *mur-av-išč-e* (к. № 42), названия **чешуи** и **жабер рыбы**, ср. *šagl-y* 'жабры' (к. № 40), *klest-ъ* 'чешуя рыбы' (к. № 39), название **дождевого червя**, ср. *ščur-ъ* (к. № 36), которое встречается, однако, в виде единичных вкраплений в чешских и словацких диалектах, и

даже названия лягушки *skok-ux-a*, *skok-uš-a*, *leg-uš-a* (к. № 31). Все эти севернорусские диалектизмы являются в большинстве своем эксклюзивными образованиями.

Наконец, следует обратить внимание на ситуацию в среднерусских говорах, в которых, вопреки существовавшему долгое время представлению о них как о говорах, где в своеобразном котле происходил сплав диалектных черт, не наблюдается этого смешения диалектизмов, а имеются свои, четко очерченные ареалы диалектных лексем, сужающих распространение их литературных коррелятов, ср., например, распространение в псковских и западноновгородских говорах лексемы *sik-ax-a* 'муравей' (к. № 41) и соответственно *sik-aš-nik* 'муравейник' (к. № 42) или распространение только во владимирско-поволжских говорах лексемы *ryt-ik-ъ* в значении 'крот' (к. 12), а в псковских — лексемы *pik-al-ъ*, *pik-al-ък-ъ* в значении 'бабочка' (к. № 45).

Это лишь единичные примеры, поскольку в Общеславянском лингвистическом атласе русские говоры представлены всего тремястами населенными пунктами, создание Лексического атласа русских народных говоров позволит, несомненно, умножить число подобных примеров и внести коррективы в существующие представления о территориальной дистрибуции диалектной и литературной лексики.

Следует подчеркнуть еще одно обстоятельство: вхождение того или иного диалектного слова в словарный состав литературного языка не прекращает его самостоятельной жизни в диалектах. Историко-диалектологическое изучение этого слова позволяет проследить его семантическую эволюцию. Примером может служить судьба такого диалектизма, как *бирюк*, введенного в литературный язык И. С. Тургеневым. В словаре русского литературного языка это слово с пометой обл. приводится в двух значениях: 1) волк-одиночка; 2) одинокий нелюдимый человек. Между тем, предварительное картографирование этого слова в Лексическом атласе русских народных говоров показало, что это слово значительно расширило круг своих значений.

Как известно, эта лексема, исходное значение которой было 'волк', представляет собой табуистическое заимствование из тюркских языков (Фасмер 1964, 1, 168; Шанский 1971, 46). Семантические сдвиги этой лексемы проходили в нескольких направлениях:

1. Табуистическое развитие лексемы *бирюк*:

I.1. Дальнейшая детализация значения 'волк': формирование семы 'волк-одиночка' (прежде всего в орловских говорах, а также в русских старожильческих говорах Дона и южного Поволжья) и 'матерый волк' (в южнорусских курско-орловских и западных говорах, а также во владимирско-поволжских говорах).

I.2. Распространение лексемы бирюк на название другого крупного дикого животного — медведя (в среднерусских говорах) и далее на любого хищного зверя (в севернорусских вологодских и костромских говорах, а также в некоторых южнорусских — западных и восточных).

I.3. Появление семантического компонента 'матерый' (т.е. немолодой, старый) способствовало развитию на севере владимирско-поволжской группы говоров значения 'старый барсук' (при переносе, по-видимому, сыграл свою роль и признак цвета шерсти животного: тюрк. *borsuk* 'серый'). Этимологи, как известно, не исключают фонетического влияния слова барсук на тюрк. *huri* 'волк'.

I.4. Актуализация семы 'дикий', 'хищный', а следовательно, 'опасный, страшный' способствовала семантическому сдвигу лексемы бирюк в мифологический регистр для обозначения 'страшилища, которым пугают детей' (зародившись в южнорусских говорах, это значение лексемы бирюк получило особенно широкое распространение в русских старожильческих говорах Дона).

I.5. Актуализация семы 'медведь' способствовала табуистическому переходу лексемы бирюк в антропологический регистр для обозначения 'толстого, ленивого, неуклюжего человека' (интересно, что значение это известно в среднерусских говорах, а именно в горьковской подгруппе владимирско-поволжских говоров, однако в литературный язык оно не попало).

II. Второе направление семантического развития лексемы бирюк связано с актуализацией семантического компонента 'одинокий', что повлекло за собой семантический сдвиг в антропологический регистр и появление таких значений, которые связаны, с одной стороны, с характеристикой человека через отношение к нему окружающих, представляющие собой, по сути дела, поведенческие оценки, а именно: *одинокий человек* → *нелюдимый* → *неразговорчивый* → *замкнутый* → *угрюмый* → *злой человек*, а с другой — с характеристикой человека по его возрастному и семейному признаку, ср. *старый* → *вдовый* → *одинокий человек*.

Для понимания семантических сдвигов в значениях многозначного слова и общего направления его семантической эво-

люции чрезвычайно важен ареалогический анализ карты, так как ареалы тех или иных значений многозначного слова, их конфигурация, расположение, протяженность являются красноречивым свидетельством основных тенденций его семантической эволюции. В этом отношении бесценным подспорьем явится в будущем Лексический атлас русских народных говоров.

Изложенные факты свидетельствуют, как представляется, о существовании серьезных лакун в изучении вопроса о соотношении русского литературного языка с другими идиомами. Признание московского городского койне в качестве его диалектной базы не закрывает этого вопроса, поскольку любое койне всегда развивается по линии обогащения своего словаря.

Обращение к изучению истории русского литературного языка с учетом тех диалектных стихий, которые оказали влияние на формирование словарного состава московского койне, поможет по-настоящему понять процесс образования московского государственного языка XVI–XVII вв., определить принципы и мотивы московской канонизации разнообразной диалектной лексики. При этом должны использоваться не только памятники письменности, но и данные исторической диалектологии русского языка. Без историко-диалектологических разысканий невозможно будет вскрыть механизм лексических взаимодействий русского литературного языка и народных говоров. Понятно, что в этом контексте особое значение приобретает развитие диалектологии, поэтому существующая сегодня инерция негативного отношения к изучению русских диалектов (особенно в педагогических вузах, следствием чего является сворачивание курса диалектологии, отмена диалектологической практики) должна быть преодолена как мешающая поступательному движению русистики вперед.

Следует вспомнить опыт преподавания Ф. И. Буслаева, И. И. Срезневского, А. А. Шахматова, К. Д. Ушинского, призывавших к изучению диалектного слова и его роли в истории русского литературного языка. Это не только «введет учащегося в мир народной мысли, народного чувства, народной жизни и народного духа» (Ушинский 1954, 682), но и возродит интерес к изучению диалектов, повысит их ценность как памятника нашей культуры и истории. Только так мы сможем привить любовь к своему отечеству, уважение к его прошлому, а также веру в его будущее, как писал А. А. Шахматов.

Литература

- Будилович А. С.* Общеславянский язык в ряду других общих языков древней и новой Европы. Варшава, 1892. Т. 1–2.
- Виноградов В. В.* О связях истории русского литературного языка с исторической диалектологией // *Виноградов В. В.* История русского литературного языка. Избранные труды. М., 1978.
- Виноградов В. В.* Изучение образования и развития древнерусского языка // *Виноградов В. В.* История русского литературного языка. Избранные труды. М., 1978.
- Иванов А. М., Якубинский Л. П.* Очерки по языку. М.–Л., 1932.
- История русской диалектологии. М., 1961. С. 81.
- Каринский Н. М.* Очерки языка русских крестьян. М.–Л., 1936.
- Касаткин Л. Л.* Русские диалекты и языковая политика // *Русская речь.* 1993. № 2.
- Общеславянский лингвистический атлас. Серия лексико-словообразовательная. Т. 1. «Животный мир». М., 1988.
- Попов И. А., Азарх Ю. С., Вендина Т. И. и др.* Лексический атлас русских народных говоров в кругу славянских атласов. М., 1993.
- Толстая С. М.* Диалектные ареалы литературных слов // *Dialectologia slavica.* Сборник к 85-летию С. Б. Бернштейна. М., 1995.
- Толстой Н. И.* История и структура славянских литературных языков. М., 1988.
- Тургенев И. С.* Русский язык // *Тургенев И. С.* Соч. Т. 10, М., 1982.
- Ушинский К. Д.* Избранные педагогические сочинения. М., 1954. Т. 2.
- Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. М., 1964. Т. 1.
- Филин Ф. П.* Исследование о лексике русских говоров. М.–Л., 1936.
- Шанский Н. М.* Краткий этимологический словарь русского языка. М., 1971.